

Научная статья

УДК 125

doi: 10.17223/1998863X/85/2

ЭКОНОМИКА ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Евгений Витальевич Малышкин

Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, Россия;

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
malyshkin@yandex.ru*

Аннотация. Шекспир наследует у Кузанца различие между бесконечным и беспредельным. Но под беспредельным понимает не нескончаемость пересчета, а самовозрастающее богатство (чем больше отдаю, тем больше остается). Оно есть хорошо разделяемая вещь, и с такими мы сегодня все чаще встречаемся, но не умеем управлять, поскольку господствующая форма экономики является дефицитарной. В обретении такого умения нам может помочь понимание природы хорошо разделяемых вещей, порождаемых научной коммуникацией.

Ключевые слова: бесконечное, беспредельное, Шекспир, богатство

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта 25-18-00208, «Экзистенциальный опыт в цифровой среде: „бытие к цифре“, онтология виртуального и человеческое Я» в НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Малышкин Е.В. Экономика цифровой коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 85. С. 21–30. doi: 10.17223/1998863X/85/2

Original article

THE ECONOMICS OF DIGITAL COMMUNICATION

Evgenii V. Malyshkin

¹ *Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation;*

² *Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation,
malyshkin@yandex.ru*

Abstract. The distinction between *infinitem* and *interminatum*, made by Nicolaus Cusanus, finds its place in Shakespeare's tragedy *Romeo and Juliet*. But the playwright understands *interminatum* (boundless) not as the endlessness of recounting, but as self-increasing wealth, that is, such a way of sharing when in con-division a thing does not decrease, but increases (the more I give to thee, / The more I have). The article examines how this self-increase is structured and under what conditions it appears. Shakespeare named two boundless things: love and bounty. But affects (as long as they can be clearly described), rules, and imperatives are the same nature. I propose to name such well-shared things “inescapability”. The article notes that when Descartes, following Cusanus, distinguishes the infinite from the boundless, he understands it just as infinitely divisible, but not increasing in share. Although inescapability occupies a key place in the construction of Spinoza's ethics, in the Early Modern philosophy it still remains rather a utopian property than one seriously discussed. Today, there are more and more inescapable things: a variety of viruses, files, and nuclear weapons. Not only do we lack an established term for things that have this property, we confuse this property with the inexhaustibility of resources, since our language of exchange is formed by an economy built on deficit, while real wealth is inescapable. Since we do not

know how to name them, we do not know how to manage them. To handle them means to understand the nature of well-shared things, produced by scientific communication. The terms I propose, namely, well-shared things and inescapability, are similar in meaning to the concept of distributed cognition introduced by Hutchins and developed by Russian researchers. The difference from this concept is the quantitative certainty important for shared knowledge: for a conversation about well-shared things it is important with what number of agents we can share them: with everyone, with many, or even with no one at all.

Keywords: infinite, boundless, Shakespeare, wealth

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-18-00208, and carried out at the National Research University Higher School of Economics.

For citation: Malyshkin, E.V. (2025) The economics of digital communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 85. pp. 21–30. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/85/2

Различие бесконечного и беспредельного нам известно прежде всего из сочинений Николая Кузанского. Он отличает негативную бесконечность абсолютного максимума от привативной бесконечности Вселенной [1. С. 99]. Универсум ни конечен, ни бесконечен, т.е. он в полном смысле не определен, *in-terminatum*, нескончаем. Абсолютное бесконечное (*in-finis*) понимается другим разделом ума: есть такой факультет души, которым мы схватываем совпадение противоположного в его бесконечности, а есть ум, которым воспринимаем беспредельное, т.е. нескончаемый счет, в котором абсолютный минимум уже может совпадать с абсолютным максимумом.

Сопряженность конечного и бесконечного – сюжет в истории философии не редкий. Обнаружение бесконечного в конечном – это предмет рассмотрения и Декарта, который обнаруживает беспредельный атрибут в конечной субстанции, и Мамардашвили, который разворачивает это различие, обращаясь к Декарту, Паскалю, Канту.

Начиная по крайней мере с XVII в. формулировки математических величин – это попытки совместить эти два вида бесконечности: бесконечность в собственном смысле, т.е. негативную, и бесконечность привативную, привычную нам по метафорам математического языка, в которых функции и линии «стремятся», они «растут», точки имеют «окрестности» и т.д. Обнаружение бесконечного как принципа счета конечных величин обуславливает невозможность удержания различия, отчетливо сформулированного Кузанским. Так, уже Лейбниц пишет не об интерминатном (безграничном), а инфинитезимальном счислении. Он здесь не новатор, а всего лишь наследует сложившемуся словоупотреблению, и все же его бесконечно малые точнее было бы называть беспредельно малыми, коль скоро для него значимо, что математическая точка не может быть атомом бытия, а инфинитезимальный счет в его проекте универсальной характеристики направлен на возвращение к бесконечности реального.

Декарт очень аккуратно следует различию беспредельного и бесконечного, но для него оно уже не предмет созерцания бесконечного в собственном смысле слова, а повод для противопоставления мыслящего, каковое может быть разделено без потерь, и протяженного, которое делить можно, а дойти до предела деления нельзя. Различие воли, бесконечного атрибута и конечного ума, которому принадлежит этот атрибут, онтологически значимо в карте-

зианской конструкции, поскольку в нем схватывается природа конечной субстанции. Построение субъектности ученого нового типа выстраивается не одними только ясностью и отчетливостью идеи, а именно волевым актом признания бытия мыслимого. Ум в этой конструкции, предъявляющей мыслимые основания волевому удостоверению, линейен, поскольку удостоверение сущего в его бытии происходит шаг за шагом, а чтобы проверить себя, т.е. предъявить себя мыслящего любой послушной разумных оснований воле, требуется процедура восстановления последовательности этих шагов, *rescoring*, пересчета-энумерации идей. Другими словами, идеи, чтобы быть основанием, должны быть пересчитаны так, чтобы счет оказывался повторяем и передаваем с нулевыми издержками от одного мыслящего к другому и сопоставим с другими счетами, чтобы можно было выбрать наилучший или сопоставить перспективы для совместной деятельности. Бесконечное и беспредельное в философии Нового времени слились благодаря трем этим требованиям, предъявляемым ко всякой идее: повторяемость, передаваемость, согласованность.

Мышление есть счет, считаем мы беспредельное (т.е. неопределенно многое), а мышление схватывается как неубываемое, или, по крайней мере, как легко сообщаемое-передаваемое. Пересчет беспредельного, способный увидеть не весь ряд целиком, а неизменное в различных перспективах основание всех считаемых рядов возможных событий, – в этом состоит замысел и универсальной характеристики Лейбница, и Юмовской «географии духа». В пересчете, исполняемом из любой существующей перспективы восприятия, ум обретает основание для всеобщего обмена идей на вещи, взаимно однозначного сопоставления одних и других так, чтобы получить тождество порядков идей и вещей, т.е., по выражению Канта, «одни и те же сто талеров: у меня в голове и у меня в кармане».

Если же мы удерживаем отличие бесконечного от беспредельного, то ум считающий соседствует с обученным (*docta*) незнанием, т.е. с таким конечным способом понимания, который приучается отличать рутинный счет в некой перспективе от счета бесконечного, в котором, по выражению Кузанца, ум (*mens*) находит собственную меру (*measure*), изначальное тождество, понятого как совпадение, *coincidentia*. И субъект отыскания меры отличен от субъекта счета: считаю я, в отъединенной, привативной бесконечности, но понимает тот, для кого все есть одно, и это понимание несообщаемо, поскольку явно не эксплицируемо.

Но возможна ли в отличении бесконечного от беспредельного иная расстановка сил, чем развертывающаяся раз за разом игра утаивания и показа?

Во второй сцене второго акта «Ромео и Джульетты» мы читаем:

Romeo. O, wilt thou leave me so unsatisfied?

Juliet. What satisfaction canst thou have to-night?

Romeo. Th' exchange of thy love's faithful vow for mine.

Juliet. I gave thee mine before thou didst request it;

And yet I would it were to give again.

Romeo. Would'st thou withdraw it? For what purpose, love?

Juliet. But to be frank and give it thee again.

And yet I wish but for the thing I have.

My bounty is as boundless as the sea,
My love as deep; the more I give to thee,
The more I have, for both are infinite.

В переводе Щепкиной-Куперник:

Ромео. Ужель, не уплатив, меня покинешь?
Джульетта. Какой же платы хочешь ты сегодня?
Ромео. Любовной клятвы за мою в обмен.
Джульетта. Ее дала я раньше, чем просил ты,
Но хорошо б ее обратно взять.
Ромео. Обратно взять! Зачем, любовь моя?
Джульетта. Чтоб искренне опять отдать тебе.
Но я хочу того, чем я владею:
Моя, как море, безгранична нежность
И глубока любовь. Чем больше я
Тебе даю, тем больше остается:
Ведь обе – бесконечны [2].

Джульетта сначала говорит, что хотела бы отозвать клятву, чтобы снова ее дать, но затем сама себя поправляет: тот задаток (bounty), что она уже отдала, безграничен как море, поскольку выражать любовь – значит отдавать и брать безграничное, а бесконечный избыток отдаваемой и получаемой любви сопрягается с безграничным задатком. Это иное, не кузанцевское и не картезианское определение безграничного (у Шекспира – безбрежного, boundless): это не нескончаемость счета, но такая неизбывность, которая есть прирастание остатка в разделении (Чем больше я / Тебе даю, тем больше остается). Здесь не бесконечное разворачивается в безграничное, для которого отсутствие границ – это недостаток, неопределенность, вызывающая к первой мере, но, напротив, отсутствие границ у отдаваемого побуждает его прибывать, правда, причина, по которой неопределенность границ склоняется в сторону не убыли, а прибыли, не называется прямо. Однако цель достигнута, ведь цель любовной клятвы – дать разрастись любви.

Нежность, о которой речь идет у Щепкиной-Куперник, – это эффект перевода, точного, но, кажется, отступающего от оригинала. *Bounty* старые английские словари передают как щедрость [3]. В строчку хорошо бы ложилось «моя как море безгранична щедрость». Однако bounty восходит к латинскому *beatitas*, блаженство, даруемое божественным, что прекрасно слышно образованным современникам Шекспира. В современных словарях появилось еще одно значение bounty – поощрительная премия. Но действительно, щедрость, как нечто, даваемое с избытком, есть связывающий благом задаток, независимо от того, ждут чего-то в ответ или нет. Но такова же и нежность: она превышает меру, нарушая эквивалентность обмена. Без нарушения равенства нет ни щедрости, ни нежности. Так что процитированный перевод хотя и не совсем точен (времени на проявление нежности у Джульетты в этой сцене попросту не было), все же верен, а смысл всего фрагмента, как нам представляется, собран здесь в хорошо этимологизированной щедрости-блаженстве-здатке.

Возвращение от беспредельной нежности к неисчерпаемой в своей искренности клятве заново ставит вопрос перед пониманием сцены. Ведь даже если клянемся мы в бесконечном, таком, что всегда есть с избытком, сама клятва – вполне конечное событие. Сила клятвы заключена в ее единичности, поэтому невозможно поклясться дважды: чем больше клятв дается, тем меньше им доверия, ресурс клятвы исчерпывается за раз. Зачем же Джульетта хочет опорочить собственную клятву?

Речь идет о задатке. К примеру, если поступаешь на военную службу, тебе дают немного денег, чтобы ты мог прикупить необходимое и как-то отметить начало новой жизни. То, что дает Джульетта, по ее замечанию, беспредельно как море. Если этот задаток понять как только перформативный речевой акт, замечание Джульетты действительно будет непонятно. Однако перформативность акта любовного признания направлена не только на истребуемое ответное доверие и обещание преданности. Это еще и показывание: я вижу, благодаря чувству, нечто прекрасное, и если разделишь это видение со мной, то увидишь и ты. При произнесении любовного признания видеть (предаваться восторгу, быть захваченным и т.д.) проще. Потому премия, если только она может быть принята, обладает показывающей, дейктической силой. Любовные клятвы (*vow*), таким образом, не клятвы вовсе: их сила не убывает с повторением. Напротив, сила задатка возрастает, когда его отдают: дарят, передают, разделяют с кем-то.

Если мы сопоставим рассказ Джульетты с известным тезисом об обмене яблоками и идеями, то клятва, любовь, обещание, нежность окажутся в некоем промежуточном положении. С одной стороны, это не яблоки, а идеи, поскольку поделиться ими – не значит с ними расстаться. С другой – значимо в них как раз то, что они телесны, ощутимы. Идеальность идей (если мы мыслим их как отделенные от телесного, неразрушимые) не отвечает на вопрос об их самовозрастании. Более того, идеи не прирастают, они неподвижны. Маркс, утверждая, что «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами», в качестве истока этого становления указывает на их радикальность, решительность, *подозрительность* [4. С. 422]. Подозревать – значит смешивать одно с другим, видеть и одно, и два: и то, что видишь, и то, что стоит за видимым. Но смешивать и значит заниматься теорией, т.е. видеть вещи как причастные (*meteimi*) идеям. Другими словами, теория овладевает массами, если она попросту теория, т.е. научает видеть одно как другое и разделять это умение со многими.

Когда вещи нечто разделяют с идеями, они становятся различимыми, это трюизм. Однако отчетливость различения появляется не от идей, а от смешивания, сопричастности, разделенности – в этом и состоит открытие Джульетты: чем больше отдаю, тем больше остается, но и тем лучше видно то, что отдаю. Bounty Джульетты делает Ромео причастным клятве и любви, задаток-премия оказывается чем-то безбрежным (*boundless*), и эту безграничность мы уже должны понимать не как обычную для Шекспира метафору моря, но как открытие способа смотреть: условием для того, чтобы что-то увидеть, является видеть одно и другое. В этом «и», случившейся в любви сопричастности, открывается то, чему надлежит быть различимым, т.е. узнаваемым образом, так, что нечто выходит тебе навстречу, делая тем, что ты есть. Так безымян-

ный палец становится большим рядом с мизинцем, а Джульетта обретает нежность.

Так понятая сопричастность возвращает нас к старому спору об «аргументе третьего человека». Если есть одно и другое, и мы считаем их за одно, благодаря тому, что и одно и другое обладают неким общим для них свойством, то это общее может быть рассмотрено либо как входящее в ряд первого и второго, либо как не входящее в этот ряд. Логические следствия из этих двух подходов обсуждались веками и вновь стали актуальны благодаря, в частности, работам Г. Властоса, которые разбираются в статье И.В. Берестова [5]. Для нас здесь важен не разбор аргумента, а сам вопрос, который Платоном формулируется как «что есть *самое само* (auto to auto)? Если *самое само* понимать как общее, и либо встраивать эйдос в порядок вещественного (чувственно воспринимаемого), либо исключать, то мы уже молчаливо предполагаем, что понимаем, что значит быть как одно *и* другое. Но в этом-то и состоит проблема: одно и другое есть только благодаря этой конъюнкции, причем так, что конъюнкция не является оператором-связкой, а *самым самим*. Платон в «Государстве» поясняет начало философии на пальцах: безымянный рядом с мизинцем велик, а рядом со средним – мал. И дальше спрашивает об auto to auto. Но если это вопрос о великом и малом, как они есть сами по себе, мы тут же запутываемся, ведь нет никакого великого самого по себе. Вопрос о *самом самом* – это вопрос об этой самой причастности, которая, конечно, не есть одно и само по себе. И эту-то невозможность указать на него в терминах единичности и отделенности Аристотель в «Никомаховой этике» и обозначает как нечто вторичное, зависимое: «Существующее само по себе, т.е. сущность, по природе первичнее отношения – последнее походит на отросток, на вторичное свойство сущего, а значит, общая идея для всего этого невозможна» [6. С. 59]. Единое благо есть лишь при некоторых не всегда отчетливо эксплицируемых условиях (как выражается Аристотель, для одного – одно, для другого – другое, как если бы несходимость одного и другого указывала на индивидуацию блага), однако оно – только рядом, в разделении с другим. Потому собственно «одного» в смысле блага нет, единое мыслится как сущность, как «было тем, что есть». В спецификации, таким образом, нуждается не общее, а само это *с-, т.е. разделенность*.

Есть ли еще, помимо любви и щедрости, вещи, которые прирастают, когда их расходуют? Именно таковы исполняемые требования, коль скоро власть прирастает исполнением. Таковы и желания, и правила, к примеру, правила дорожного движения: выполняя их, мы приучаемся им следовать. В этом смысле привычки, аддикции – это открытие неизбывной природы в конечных вещах. Неизбывные (т.е. прирастающие в разделении) вещи, коль скоро мы так понимаем, вслед за Шекспиром, безграничность, это богатство само себе. Маркс полагал, что источником богатства является труд. Труд, действительно, неизбывен, поскольку он и есть исполняемое принуждение. Но таков же и пол (как источник неизбывных аффектов), и пейзаж, и места, – основание шекспировской метафоры – море: все хорошо разделяемые вещи.

И совсем недавнее наше приобретение – копируемые файлы. Файл любого формата можно рассматривать как исполняемое требование (т.е. файл любого формата есть программа), вызывающее к условиям исполнения, требова-

ниям к hardware и software. Файлы – это как раз такая вещь, которой можно поделиться без убыли оригинала, а то и с прибылью (когда доступ к файлу открывается не из одного, а из различных источников). Но неизбытность файлов – это не свойство файлов, это свойство как раз единообразной среды их распространения, программного и аппаратного обеспечения. Форма файла – это его уникальный код, порядок символов, т.е. идея, тогда как его вещественность – это цифровая среда, создающая коммуникативный континуум, в котором порядок «идей», т.е. исполняемых команд, неким очень сложно организованным, распределенным усилием обеспечивает совпадение с порядком «вещей», т.е. действий, производимых файлом. Есть определенная параллель между этим окружением, дающим возможность сбыться неизбытности файлов, с одной стороны, и тем коммуникативным континуумом, который сформировался в науке XVI–XVII вв. в эпистолярной «республике ученых». Поскольку философия Нового времени – это по преимуществу рациональная теология, постольку дискурсивные ее элементы наделены дейктической, указательной силой: неубываемость копируемых файлов, как и неизбытность *bounty* Джульетты, – это указания на бесконечность, каковая «прямым» образом не схватывается, хотя бесконечность принимает у Шекспира, Кузанского, Декарта и Лейбница разные определения. Как устроен этот коммуникативный континуум при том, что сохраняется дейктическая сила его элементов – предмет особого исследования, предположим лишь, что это соседство обеспечивается присутствием устоявшейся схоластической терминологии в «новой» философии.

Если обращаться с истираемыми вещами, легко демонстрирующими свою единичность и неразделяемость, мы научились благодаря долгому развитию капиталистических форм хозяйствования, природа которых – утверждение дефицитарности [7. С. 82], то управляться с неизбытными вещами теми экономическими формами, которыми располагаем, мы не умеем. Хорошо разделяемые вещи не только порождают хаос в юрисдикции владения, но и принуждают нас путать богатство с неисчерпаемыми ресурсами, т.е. путать новоевропейское понимание беспредельности с шекспировским. Легкость, с какой копируются файлы, сама в итоге и порождает разрывы в коммуникации, обеспеченной единством цифровой среды: неотыскиваемые в человеко-ориентированном поиске данные, замена правового поля диктатурой лицензий на рынке software, плохая воспроизводимость результатов вычисления больших данных в нейросетях – все это вызовы, обращенные непосредственно к нам, вовлеченным в цифровое коммуникативное поле, образуемое благодаря разделяемому знанию.

Здесь нужно уточнить понятие субъекта коммуникации. Коммуницировать – значит устанавливать либо восстанавливать единство (*com-unio*) до некоторого континуума, в котором предмет еще может быть не определен, но сама возможность познания уже выстроена. Построение и поддержание в рабочем состоянии цифровой инфраструктуры – пример такого континуума, который, будучи выстроен иерархически (в нем нет ничего, кроме исполнения требований протоколов и правил форматов), порождает избыточно разделяемые вещи, файлы. Однако разделенность познающего действия не имеет субъекта: направленность к другому уже есть, а тот, кто направлен, появится лишь в результате разделения (знания, файла, идеи...), равно как и

тот, на к кому обращена коммуникация. Формула Нанси, «никакой идентичности, всегда идентификации» [9. С. 108], точна: если понимать коммуникацию и, соответственно, распределенное познание как коммуникацию субъектов (или как включенность-инклюзивность), то некому будет коммуницировать или включать/исключать. Таким образом, понятие разделенного знания устраняет фигуру ученого как преимущественного субъекта, который разделяет «свое» знание или «собственное» понимание науки с другими – коллегами, профанами или подсказками нейросети. Знание всегда уже разделено, всегда найдется тот, кто думает, как ты, лучше тебя, интересно для тебя, просто потому, что знание неизменно. Такое представление коррелирует с понятием распределенного познания, введенного Хатчинсом [10]. Следует оговориться, что эта корреляция вовсе не означает расширения круга «субъектов» знания: отыскание тех, с кем разделено знание, с одной стороны, уточняет само разделяемое, с другой, указывает, какое именно знание разделяется: такое, которое, в пределе, может быть разделено всеми знающими, или же, напротив, само знание таково, что не может стать всеобщим, а всегда будет оставаться знанием частным или даже единичным, или, как в случае с формами знания бесконечного, нулевым, несообщаемым. Это ограничение на количественную спецификацию разделенности не учитывается в понятии распределенного (по)знания, предложенного в статье Л.В. Шиповаловой [11], впрочем, очень близкую описываемому нам феномену разделенного знания и по способу постановки вопросов, и по форме тематизации.

Если же понять научную коммуникацию как отыскание не субъектов разделенности, а того самого «со-», которое предшествует всякому коммуникативному акту, то научное знание предстанет как вещь весьма хрупкая, быстро истираемая, утлый плот [12. С. 219], на котором ученые отыскивают свои задачи и их решения среди неустойчивых социальных, политических и экономических институтов. Сама не являясь вещью неизменной, наука способна таковые порождать, хотя чаще в качестве общественного блага (*public good*) она создает как раз вещи и быстро истираемые, и требующие особой заботы. И все же хорошо разделяемые вещи, демонстрирующие неизбывность, вовсе не редкость в науке и тем более в научном поиске, осуществляемом в цифровой инфраструктуре.

Итак, сопоставив Шекспировское понимание беспредельного с этим понятием у Казанского и противопоставив его новоевропейскому понятию бесконечного, мы беремся утверждать, что научное высказывание (если понимать философию как эминентное определение науки) обладает дейктической силой; эта последняя представлена как неизбывность; современная научная коммуникация – это не столько преодоление, сколько фиксация семантических разрывов, что и выражается в понятии разделенного (по)знания. Предлагаемое нами понимание научного труда как исполняемого требования, порождающего знание как богатство, требует дальнейшей экспликации, в том числе в экономических терминах.

Список источников

1. Кузанский Николай. Об ученом незнании // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1979. Т. 1. 488 с.
2. Ромео и Джульетта. URL: <http://www.romeo-juliet-club.ru> (дата обращения: 08.01.2024).

3. *Dictionarium Anglo-Britannicum or a General English Dictionary*, by John Kersey. London, 1708. URL: https://books.google.ru/books?id=t01gAAAAcAAJ&printsec=frontcover&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (accessed: 08.01.2025).
4. Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права // Собрание сочинений. 2-е изд. М.: Политиздат, 1957. Т. I. 689 с.
5. Берестов И.В. Эпистемологические основания «Аргумента третьего человека» в «Пармениде» Платона // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15, № 3. С. 27–41.
6. Аристотель. Никомахова Этика // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 53–293.
7. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом. ГУ ВШЭ, 2010. 208 с.
8. Перзановски А., Шульц Дж. Конец владения: личная собственность в цифровой экономике. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 352 с.
9. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Минск: Логвинов, 2004.
10. Hutchins E. *Cognition in the Wild*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1995.
11. Шиповалова Л.В. Распределенное научное познание – на пути к разнообразию // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2023. Vol. 60, Issue 4. P. 22–31.
12. Касавин И.Т. Наука как общественное благо // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 217–227.

References

1. Nicholas of Cusa. (1979) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
2. *Romeo i Dzhul'etta* [Romeo and Juliet]. [Online] Available from: <http://www.romeo-juliet-club.ru> (Accessed: 8th January 2024).
3. Kersey, J. (1708) *Dictionarium Anglo-Britannicum or a General English Dictionary*. London: [s.n.]. [Online] Available from: https://books.google.ru/books?id=t01gAAAAcAAJ&printsec=frontcover&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (Accessed: 8th January 2025).
4. Marx, K. & Engels, F. (1957) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. 2nd ed. Translated from German. Moscow: Politizdat.
5. Berestov, I.V. (2014) Epistemologicheskie osnovaniya “Argumenta tret'ego cheloveka” v “Parmenide” Platona [Epistemological Foundations of the “Third Man Argument” in Plato’s “Parmenides”]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 15(3). pp. 27–41.
6. Aristotle. (1983) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Mysl'. pp. 53–293.
7. Gorz, A. (2010) *Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital* [The Immaterial: Knowledge, Value, and Capital]. Moscow: HSE.
8. Perzanowski, A. & Schultz, J. (2019) *Konets vladeniya: lichnaya sobstvennost' v tsifrovoy ekonomike* [The End of Ownership: Personal Property in the Digital Economy]. Translated from English. Moscow: Delo RANEPa.
9. Nancy, J.-L. (2004) *Bytie edinichnoe mnozhestvennoe* [Being Singular Plural]. Translated from English. Minsk: Logvinov.
10. Hutchins, E. (1995) *Cognition in the Wild*. Cambridge, MA: The MIT Press.
11. Shipovalova, L.V. (2023) Distributed Scientific Cognition – Towards Diversity. *Epistemology & Philosophy of Science*. 60(4). pp. 22–31. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202360453
12. Kasavin, I.T. (2021) Science: A Public Good and a Humanistic Project. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology, and Political Science*. 60. pp. 217–227. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/60/19

Сведения об авторе:

Малышкин Е.В. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); научный сотрудник Высшей школы экономики (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: malyshkin@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Malyshkin E.V. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, professor at the Department of Problems of Interdisciplinary Synthesis in Social Sciences and Humanities, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); research fellow, Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: malyshkin@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.04.2025;
одобрена после рецензирования 21.05.2025; принята к публикации 30.06.2025
The article was submitted 10.04.2025;
approved after reviewing 21.05.2025; accepted for publication 30.06.2025*